

УДК 321.7 (470)

И.А. Шкурихин

**ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА В РОССИИ***Рассматриваются демократические идеалы и отношение к ним.*

Современная Россия в институциональном и нормативном планах уже достаточно сильно удалилась от демократических идеалов, которые отстаивали с тем или иным энтузиазмом демократы периода перестройки. Демократические ценности лишь иногда появляются в дискурсе современной элиты, причем в весьма специфических коннотациях, которые не дают возможности с твердостью говорить о существовании демократической ориентации (например, понятие «суверенная демократия» не дает четкого представления о механизмах взаимодействия населения и власти и порядке решения политических задач). Как пишет Т.П. Лебедева, еще рано говорить о полном крахе демократического проекта в России: «Россия только в начале пути к демократии, а фасадность институтов – временные сложности, с которыми можно справиться, двигаясь постепенно и целенаправленно» [1. С. 84]. Отмечая некоторые позитивные сдвиги в демократическом направлении при правлении В.В. Путина, в частности соединение демократии с социальными функциями государства и поиск национального сочетания ценностей демократии и традиционной российской культуры, Лебедева упускает из виду важные аспекты функционирования политической системы – дискурс и внутреннюю структуру современной элиты. Именно градус изменений внутри элиты и в публичном дискурсе вызывает опасения авторитарного или даже тоталитарного подавления независимых субъектов социально-политического пространства. Основные изменения можно определить следующим образом:

1) политический центр сконцентрировал почти все важные ресурсы управления страной в своих руках;

2) в структуре политических отношений стали преобладать иерархические формы;

3) альтернативные дискурсы не запрещаются, а скорее вытесняются на периферию, а главная публичная сфера становится проводником официальной государственной идеологии [2. С. 19].

В современной периодической литературе лишь немногие авторы выражают оптимизм по поводу возможной динамики современной политической системы в сторону демократических форм. Большинство же считает, что отказ современной элиты от демократических идеалов настолько радикален, что страна встала на иной в политико-культурном плане путь разви-

тия. В нашей статье мы попробуем оценить, насколько радикальным следует считать этот поворот. Предметом рассуждений является отношение к демократическим идеалам, а не их внутреннее содержание. В первую очередь нам необходимо ответить на вопрос: что сделали лидеры демократического движения конца 80-х – начала 90-х годов для легитимации демократии в России?

- Мобилизовали ли массы на поддержку либерально-демократического идеала? Вряд ли об этом можно говорить, как минимум, по двум основаниям: во-первых, по социальным опросам. Например, ВЦИОМ в марте 1990 г. (данные приведены по [3. С. 156]) выявил, что только 8% населения страны поддерживает переход к капитализму (30% – за сочетание капитализма и социализма, 35% – за «обновленный социализм»). Чем же тогда объяснить массовое участие в демонстрациях, которые проводили демократы (десятки тысяч человек)? Прежде всего, это было следствием того, что только демократическое движение остро противопоставляло себя коммунистическому режиму, что обеспечило приток на демонстрации противников режима, не обязательно связанных с демократическими идеалами. Во-вторых, как отмечает А.С. Ахиезер, между либеральным идеалом, к которому стремилась элита, и ценностями локальных сообществ, мысливших в категориях «соборность – авторитаризм», была существенная разница [4. С. 633–635]. Поэтому переход осуществлялся движением, внутри которого нормативно-идеалистическая сфера была слабо дифференцирована. Но некоторый общий фокус соотнесения идеалов с системой позволил объединить необъединимое.

- Идеал демократии на политическом уровне был противопоставлен коммунистическому практически как единственно возможный, поэтому противостояние носило принципиальный апологетический характер при нежелании демократов идти на компромиссы. Например, в статье под названием «Что делать, когда никто не виноват или кто виноват, когда неизвестно, что делать» в «Комсомольской правде» от 16 декабря 1990 г. Г.Х. Попов считал, что единственно возможным «компромиссом» между демократами и аппаратом может быть только функциональное разделение: демократы создают проект, а аппарат проводит его в жизнь [5]. Н.И. Травкин, лидер ДПР, в отношении политического диалога высказывался весьма резко и показательно: «Все эти разговоры, бесконечные “круглые столы”... Я не могу выносить эти посиделки...» [6. С. 202]. Высказывая подобные взгляды, демократы отрицали один из базовых механизмов демократии – умение продуктивно вести диалог между разными социальными, политическими силами.

- В дискурсе демократия долго ассоциировалась с идеалом правды. Демократы первой волны особенно выделялись изобличительными речами в адрес коммунистических лидеров, номенклатуры, репрессивного аппарата советской системы. Как отмечается в исследовании С.В. Нестеровой и В.Г. Сибирко, «в 1993–1995 гг. рядовые граждане, как правило, называли демократами тех политических лидеров, к которым испытывали симпатию или доверие» [7. С. 74]. Далее эти авторы отмечают резкое падение авторитета демократов к 1996 г.: если в 1993–1995 гг. лишь 23% считали, что никто из действующих политиков не является демократом, то в 1996 г. их стало

39%. Соотнося эти данные с предыдущими, мы можем утверждать, что падение авторитета было обусловлено скорее не отказом от демократических ценностей, но ростом недоверия к лидерам, называвшим себя демократами.

- Невыгодная связь демократического имиджа движения с авторитетом президента. Как только доверие к президенту стало падать (с середины 90-х), демократы стали проигрывать политическую конкуренцию другим политическим силам. Как отмечает израильский политолог И.М. Брудный, совокупный результат на парламентских выборах партий демократической ориентации в 1994 г. – 34%, в 1999 г. – только 15% [8. С. 96]. Проблема, по мнению ученого, состояла в том, что «демократы сделали ставку на Ельцина не как на “духовного лидера”, но как на политика, готового справиться с коммунизмом» [8. С. 95]. С другой стороны, им никто особо не мешал выбрать другого лидера и изменить функциональную нагрузку демократического движения (не борьба с коммунизмом, но непосредственные задачи построения демократического общества). На наш взгляд, не стоит винить Б.Н. Ельцина в судьбе демократического движения, просто импульсов для внутреннего развития последнего явно не хватало, особенно в ситуации, когда необходимо было начинать решать структурные и идеологические задачи, а не бороться с внешним врагом.

Демократические идеалы не пустили корни ни в политической практике, ни в общественной жизни, но весьма активно пропагандировались элитой 1990-х годов. Как отмечает М.Г. Делягин, «искусственное внедрение демократических институтов в относительно неразвитые общества, как правило, не ведет к «построению демократии», но к ее разнообразным и разрушительным извращениям» [9. С. 110]. Многие принципы, за которые ратовали демократы 90-х, не нашли достаточной поддержки, когда их стали «извращать» под собственные интересы представители путинской элиты. Но есть ли принципиальная разница в отношении к демократическим ценностям между старой и новой элитами? Как же соотносятся между собой первые признаки болезни российской демократии, о которых мы уже сказали выше, с состоянием «организма» в настоящее время? На эти вопросы мы постараемся ответить в следующем блоке рассуждений:

- Путинская элита (как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, «власть первого лица государства в России традиционно имела всеобъемлющий характер, стягивала все ресурсы и *подчиняла себе все политические силы*» [10. С. 346]) в большей степени начинает напоминать *служилый класс* при российских императорах. Но на самом верхнем этаже власти, по мнению О.В. Гаман-Голутвиной, линии политических размежеваний не исчезли, но изменили конфигурацию. Одной из значимых стала дихотомия государственников и антиэтатистов [10. С. 355]. Можно отметить постепенное смещение демократического дискурса от утверждения формальных механизмов функционирования демократии к противостоянию проектам усиления влияния государства на общественную и экономическую жизнь.

- Можно констатировать тот факт, что демократы в 90-е годы на пике эмоционального подъема оставили несколько в стороне одну из важнейших проблем соотношения эффективного государства и демократических институтов. Проблема оказалась завуалированной благодаря тому, что государст-

во в лице его президента взяло моральные обязательства по установлению демократии. В результате было принято множество норм вполне демократического содержания, но лишь в незначительной степени подкреплявшихся реальной практикой функционирования государства. В.В. Путин подошел к этой проблеме более основательно, но, по всей видимости, его не устроили та медлительность и нечеткость дискуссий по поводу дальнейшего развития демократии и он решил активно реализовывать свой собственный проект модернизации страны, отдавая приоритет усилению государства в ущерб демократическим институтам.

- Политика Путина была встречена серьезной критикой как со стороны «демократических партий» (СПС и «Яблоко»), так и в бизнес-элите. Первые постепенно были вытеснены на периферию политического пространства и уже потерпели два сокрушительных поражения на парламентских выборах (в 2003 и 2007 гг.). В отношении вторых в начале своего правления Путин провел политику равноудаления, а затем постепенно урезал возможности бизнес-элит определять политику государства (дело М. Ходорковского было особенно ярким на фоне притеснения Б. Березовского и В. Гусинского и др.). Значительного перевеса президент достиг в поле публичной политики. По замечанию О.Ю. Малиновой, центр постепенно исключает независимых акторов из публичного поля и вбирает в себя оттенки мнений исключенных политических сил [2. С. 8]. Таким образом, он обеспечивает неприступность своих позиций, оставляя за собой множество возможностей для противостояния критике. Подобную стратегию проводил М.С. Горбачев, но с меньшим энтузиазмом, что привело к известным результатам. В этом плане система повышает риски резкого снижения устойчивости при ослаблении жесткой хватки президента.

Если оперировать терминологией А.С. Ахиезера, политика Путина носит скорее медиативный характер, поскольку в некоторой степени примиряются методы и ценности советского тоталитаризма и ельцинской модели демократии: ослабление парламента компенсируется поддержкой партий (переход на пропорциональную систему выборов, усиление позиций федеральных партий в региональных парламентах); отстранение бизнеса от принятия ключевых политических решений несколько компенсируется поддержкой либеральных изменений в экономике и т.д. Хотя, если рассматривать политику Путина из перспективы формальных достижений 90-х годов, можно констатировать значительный поворот в авторитарном направлении. Но при этом трудно говорить о трансформации ценностей российской элиты, поскольку и в середине 90-х лидеры демократических организаций не особо ценили демократию. Мы можем отметить только изменение соотношения между ценностями и нормативным образцом функционирования системы. В путинское время предпринимается гораздо больше усилий, чтобы примирить их, и надо заметить, что даже слишком много. Настолько, что нормативная модель начинает подавлять те еще не окрепшие ценностные ориентации, которые элита выработала в 90-е годы. Если в течение 90-х годов наблюдалась относительная свобода участия и выражения политической позиции, то современный нормативный стандарт ограничивает эти демократические права на ос-

новании их препятствия государственной эффективности. На наш взгляд, для развития демократии в перспективе важно преодолеть этот культурный стереотип, только в таком случае демократия будет развиваться, несмотря на смену правящей элиты.

Литература

1. *Лебедева Т.П.* Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // *Полис*. 2004. №2. С. 76–85.
2. *Малинова О.Ю.* Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // *Полис*. 2007. №1. С. 6–22.
3. *Заславская Т.И.* Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М., 1997. 299 с.
4. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 805 с.
5. *Попов Г.Х.* Что делать, когда никто не виноват, или кто виноват, когда неизвестно, что делать? // *Комсомольская правда*. 1990. 16 дек. С. 1–2.
6. *Интервью* Н. Травкина. Московские новости. 1990. 26 авг. // *Россия сегодня*. Политический портрет, 1985–1990 гг. / Отв. ред. Б.И. Коваль. М.: Международные отношения, 1991. С. 202.
7. *Нестерова С.В., Сибирко В.Г.* Восприятие политических лидеров и отношение к демократии: некоторые особенности сознания россиян // *Полис*. 1997. №6. С. 73–80.
8. *Брудный И.М.* Политика идентичности и посткоммунистический выбор России // *Полис*. 2002. №1. С. 87–104.
9. *Деягин М.Г.* Ценностный кризис: почему формальная демократия не работает? // *Полис*. 2008. №1. С. 109–123.
10. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.